

Олег Губарь

Дерибасовская, № 17 + Екатерининская, № 16: недвижимость Калафати (Санца)

Исторически соответствует месту № 78 в X квартале Военного форштата, позднее носило № 179. В настоящее время это два разных строения: Г-образное со стороны Дерибасовской, № 17 (Екатерининская, № 16), включая дворовую часть, и прямоугольное здание, примыкающее со стороны Екатерининской, которое носит № 18.

При первичной раздаче участков под застройку частным лицам в августе-сентябре 1794 года непосредственно де Рибасом и де Воланом место № 78 инженерная команда отвела купцу Григорию Яхонтовскому¹. Однако все последующие исторические первоисточники четко и однозначно свидетельствуют о том, что Яхонтовский был в нарождающейся Одессе фигурой эпизодической, застраиваться не стал. Вскоре место занял приехавший сюда в следующем 1795 году с захваченного Оттоманской Портой острова Хиос греческий купец Дмитрий Иванович Калафати (Калафатис). Позднее уроженцы Хиоса занимали в Одессе чрезвычайно значимое положение в хлебной торговле: достаточно назвать семейства Ралли и Родоканаки.

В 1797-м, в возрасте 32-х лет, Д.И. Калафати записался во 2-й гильдии одесское купечество², построил выгодное угловое место одноэтажным плановым домом, состоящим из двух жилых комнат и торгового помещения, в котором занимался реализацией бакалейных товаров³. Дмитрий Иванович избирался ратманом (членом) первых институций городского общественного управления – магистратов⁴. Есть информация о том, что осуществлявшиеся им коммерческие операции были связаны далеко не с одной бакалеей, но и с зерновой торговлей⁵. А.М. де Рибас пишет,

Дерибасовская улица угол Екатерининской

что до официального избрания присяжных маклеров (1803 г.) Калафати и некоторые другие греческие коммерсанты фактически занимались маклерством, разумеется, с выгодой для себя и в ущерб делу⁶. Претензии резонны, но иначе и быть не могло – это вполне естественный ход событий в процессе структуризации соответствующей инфраструктуры.

Сопоставление ранних генеральных планов города позволяет проследить эволюцию застройки интересующего нас участка на первых этапах существования Одессы. Самая ранняя упоминавшаяся угловая постройка фиксируется уже на утвержденном генплане 1803 года⁷ и его прототипе 1802-го⁸. На плане, составленном городским архитектором Франческо Фраполли в 1807 году, место Калафати показано уже полностью застроенным по фасаду со стороны обеих улиц. Кроме того, во дворе показан флигель квадратной формы, занимающий угол по диагонали от угла улиц⁹. Городской план 1814 года в целом повторяет предыдущий с тою лишь разницей, что дворовой флигель показан прямоугольным, также обозначен въезд во двор со стороны Дерибасовской¹⁰.

Дерибасовская угол Екатерининской

Генплан Джорджи Торичелли 1828 года дает хорошее представление о плановой застройке места Калафати в тот период, а равно предшествующих достройках. Первичный угловой дом был достроен до границы соседнего участка по Екатерининской и соединен с дворовым флигелем по той же меже. Со стороны Дерибасовской здание не достраивалось и занимало лишь около половины длины места по фасаду, оставляя широкий въезд во двор¹¹, наверняка сопровождавшийся, как тогда было принято, не только воротами, но и каменным забором.

К тому времени центральная часть Одессы постепенно обрела весьма благолепный вид, архаичные одноэтажные домики заменялись солидными двухэтажными, с 1818 года вводились ареалы, в которых не допускалось новое одноэтажное строительство, домовладельцы поощрялись к увеличению этажности. Однако интересующая нас недвижимость на протяжении многих лет курьезно оставалась недвижимой, на что были свои причины. Д.И. Калафати ушел из жизни в декабре 1818-го¹² холостым и бездетным. Почему он жил бобылем, можно лишь гадать: в Одессу приехал в довольно зрелом возрасте, имел средства; возможно,

оставил кого-то на Хиосе. Так или иначе, прямыми наследниками по мужской линии сделались племянники, сыновья брата. Однако тяжба, связанная с обретением ими законных прав на недвижимость дяди, затянулась на долгие годы. Ситуация разрешилась лишь в 1833 – начале 1834 годов. Подробности обнаруживаются в любопытном архивном деле за февраль 1834-го «О выдаче открытого листа наследникам Калафатиевым».

31 января 1834 года Одесский уездный суд слушал прошение наследников умершего купца Дмитрия Калафатия – «родных братьев, провизора Степана и аптекарского гезеля (помощника. – **О. Г.**) Евстафия Степановых сыновей Калафатиевых» о имуществе, оставшемся после смерти родного дяди их одесского купца Дмитрия Калафатия, заключающиеся в двух домах и двух хуторах на одесской городской земле. Наследники всему – они одни «по мужскому колену, ибо он, Калафати, бездетно и холостом умер». 1 июля (1833 г.) они утверждены в правах наследования. Дом на Военном форштате в X квартале, № 78, и два хутора: 1-й – в предместье города Одессы, 2-й – в урочище Дальник. Городской дом – «в безобразности», и если будет так оставлен, то пойдет

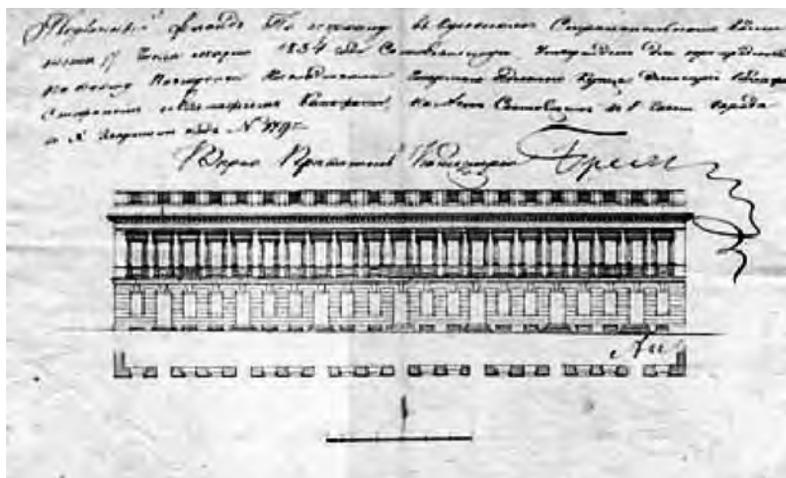
в публичную продажу, поскольку расположен в самой главной части города. Из дела явствует, что покойный Д.И. Калафати вовремя не озаботился оформлением надлежащих документов, официально подтверждающих права собственности (такое в ранней истории города случалось сплошь и рядом, реально существующие строения часто документировались на основании свидетельских показаний). Правда, в наличии магистратское свидетельство от 5 января 1817 года, побуждавшее покойного к модернизации ветхих строений, однако он бездействовал¹³. Озабоченность городского самоуправления понятна: обветшавшие строения находятся прямо напротив Благородного института, который как раз в 1817-м обрел статус Ришельевского лицея.

Одесский строительный комитет (ОСК) поручил городскому архитектору Торичелли провести ревизию и обследование обоих хуторов и городского дома, об исполнении какого-либо поручения он и отрапортовал 19 февраля 1834 года. Хутора оказались обзаведенными даже в большей степени, нежели регламентировалось. Имеются каменные дома, колодец, в общей сложности 2.700 фруктовых деревьев, 6.000 виноградных кустов, 70 верб, 50 акаций и 13 тополей. Что касается городского дома, то и он «построен по плану, во всем сходно правилам архитектуры»¹⁴. Довольно солидное наследие, оставленное Д.И. Калафати, объясняется еще и тем, что еще ранее чумной эпидемии 1812-го он зарабатывал и как откупщик городских мер и весов, и даже зачислился в 1-ю гильдию¹⁵. Что касается обзаведения хуторов, он приступил к нему уже в 1802 году.¹⁶

Возникает вопрос, пользовались ли братья Степан Степанович и Евстафий Степанович городским домом покойного дяди как доходным до официального узаконения прав наследования? Да, пользовались, сдавая в аренду под различные заведения сферы торговли и обслуживания. Например, в пушкинское время здесь функционировала виноторговля нежинского грека Юрия Монахо.¹⁷ В ту пору подобные заведения именовались ренсковыми погребами: несмотря на то, что этимология как бы обращает к берегам Рейна, реально здесь продавались вина из Италии, Греции, Франции, Испании. Виноторговля в доме Калафати стала традиционным делом на многие десятилетия, о чем еще пойдет речь.

Меж тем официальное наследование фармацевтами Калафати дома и места в престижной части Одессы позволяло им приступить к их кардинальной перестройке. В принципе она недвижимостью числилась за ними и ранее¹⁸, однако они не имели формального права ее переиначивать. Поскольку у них, очевидно, уже сложились хорошие отношения с городским архитектором Торичелли, то ему они и заказали проект новостройки. По счастью, все документы на этот счет сохранились, включая раскрашенный чертеж фасада и сечения стены главного фасада двухэтажного дома, составленный Торичелли 17 марта 1834 года.¹⁹ Даже беглое знакомство с проектом тотчас свидетельствует о назначении этого доходного дома по Екатерининской: в первом этаже – семь стандартных торговых лавок, второй этаж – жилые покои. Как мы увидим ниже, домов все же было два – новый, по Екатерининской, и другой, небольшой, по Дерибасовской, занимавший лишь часть фасада.

Синхронные исторические источники свидетельствуют: отстроенные помещения на бойком месте были немедленно востребованы и разобраны. В числе арендаторов жестянщик Амио,

Проект Торичелли, 1834 г.

портной Кассими, немецкий колонист позументщик Асмус, переплетчик Шмидт²⁰, которого сменяет другой переплетчик, знаменитый впоследствии владелец книжного и канцелярского магазина, издатель полиграфической продукции Густав Гезелле²¹. Портняжная специализация домов Калафати – одна из важнейших, опосредованно отразившаяся на самой эволюции зданий.

Занимательно, что под собственную аптеку Калафати арендовали помещения в чужих домах. Это тоже вполне логично: во-первых, такое заведение должно находиться на настоящем, привычном месте, во-вторых, аптека выходила за рамки лавки, что меняло концепцию устройства их собственного доходного дома. Кроме того, надо учитывать и то обстоятельство, что первые кварталы Ришельевской улицы, где обитала аптека, примерно до середины 1860-х были более престижны, нежели Дерибасовская. В конце 1820-х – 1830-х аптека Калафати помещалась в бывшем доме Портнова, Ришельевская, № 5,²² а затем в бывшем доме Ржевусской, Ришельевская, № 12²³. К чести Калафати надо сказать о награждении одного из них – Евстафия либо Степана Степановича, провизора – золотую медалью «За прекращение чумы в Одессе 1837»: в реестре указана только фамилия²⁴. В ту пору одесские фармацевты оказали властям крепкое содействие в ликвидации эпидемии пожертвованием медикаментов.

Помимо виноторгового и портновского бизнеса в домах Калафати издавна процветал и ресторанный, причем первичными содержателями были преимущественно соплеменники домовладельцев, греки. Так, на рубеже 1830-1840-х здесь функционировала ресторация «Новоафинская».²⁵ В 1842 году именно в доме Калафати открывается история знаменитой виноторговой фирмы Пьера (Петра) Нуво, который к тому времени имел уже 20-летний опыт на российском рынке.²⁶

Дела братьев Калафати продвигались настолько успешно, что 10 октября 1844 года в Одесском коммерческом суде была оформлена сделка о покупке Евстафием Степановичем дома, принадлежавшего другому аптекарю, дворянину Требальскому. Последний в продолжение ряда лет (1814-1821) снабжал медикаментами Городскую больницу.²⁷ Это было довольно значительное строение, сооруженное в середине 1820-х и занимавшее угол Спиридоновской

и Нежинской улиц в пределах современных зданий соответственно № 4 и № 71.²⁸ В 1846-м Калафати достроил его согласно утвержденному ОСК плану.²⁹

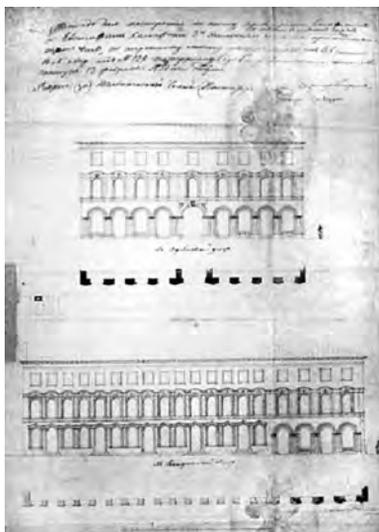
Из ведомости об оценочной стоимости городской недвижимости на 1848 год видно, что два дома наследников Калафати по Екатерининской и Дерибасовской оценены довольно высоко – в 18.260 руб. Львиная доля, понятно, приходится на первый из них, но точнее мы не знаем. Тогда же дом и магазин провизора Евстафия Калафати по Нежинской улице оценены в 10.306 руб. Для сравнения: сохранившиеся по

сию пору на той же Екатерининской улице, на углах с Греческой, двухэтажные дома греческого же семейства Прокопеус оценены соответственно в 15.000 (№ 23) и 19.510 руб. (№ 20).³⁰

Спрос на более приличные помещения в деловом и культурном центре вынуждал домовладельцев искать новые решения обустройства доходных домов: речь не только об увеличении этажности, но и частичный отход от модели секционного торгового ряда, череды универсальных ячеек, к обособленным и более просторным. Оставив прежнюю схему на значительной части фасада с Екатерининской, братья Калафати задумали и реализовали модернизованную в новом доме со стороны Дерибасовской. Этого требовали такие элитарные заведения, как, скажем, виноторговый салон Нуво, кафе-кондитерские и др.

Идея была воплощена в жизнь проектом, составленным 13 февраля 1851 года архитектором Константином Васильевичем Кошелевым, сотрудником Одесского строительного комитета, затем землемером в канцелярии градоначальника, сыном неизвестного в ранней истории Одессы коммерции советника

Проект архитектора Кошелева, 1851 г.

В.Е. Кошелева. На раскрашенном чертеже мы наблюдаем две основные метаморфозы: надстройку третьего этажа и некоторые изменения фасада и первого этажа комплекса построек со стороны Дерibasовской и угловой части со стороны Екатерининской.³¹

Реконструкция зданий отняла всего лишь несколько месяцев, и вскоре «Одесский вестник» оповестил горожан о том, что табачный магазин И.М. Краузе, бывший «Американский базар», переселился из дома Портнова по Ришельевской, № 5, в новый дом Калафати по Дерibasовской, № 17, напротив Ришельевского лицея.³²

Там же продолжал функционировать элитарный винный магазин Нуво. В торговых секциях по Екатерининской периодически происходила ротация арендаторов, связанная с изменением конъюнктуры. Так, в 1852-м в первой секции открылось значимое кондитерское производство: «Абрам Беккер, мастер хлебного цеха, одесский купец, занимающийся приготовлением в Одессе хлеба более 25 лет, открыл хлебную фабрику на Екатерининской, в д. Калафати, № 1-й. Хлеб для стола и к чаю: сахарные сухари, галеты, кренделя и прочие тому подобные булочки с сахаром. Заказы для стола и балов».³³ В одной из соседних секций помещался магазин часов и ювелирных изделий Руперта.³⁴

По окончании Крымской войны в доме Калафати, рядом с винным магазином Нуво по Дерibasовской, открылась одно из лучших и популярнейших в городе кафе-кондитерских Кальгера и Келя.³⁵ Герман Германович Кель унаследовал дело своего отца, швейцарского уроженца, одного из старейших кондитеров Одессы. Еще в самом начале 1830-х старший Кель на паях с дру-

гим швейцарцем, Катани, сперва основали здесь шоколадную фабрику, а затем, по договоренности с властями, занимались устройством общественных увеселений с буфетом, балами, фейерверками: летом – в Ботаническом, а зимой – Городском саду.³⁶ К середине 1850-х фирменный шоколад Келя дополнялся эксклюзивными сортами пирожных, конфет и прочих сладостей.

Пряная палитра арендаторов – обычное дело для этнически пестрой Одессы. К преобладавшим на первых порах грекам прибавились французы, немцы, итальянцы, поляки и т. д. И все же, если рассматривать длительный период, заметно некоторое греко-немецкое преобладание. Характерно традиционное присутствие армян-цирюльников, причем нередко в секциях по Екатерининской могло функционировать и две цирюльни синхронно. К примеру, в середине 1850-х тут одновременно действовали заведения Карангивелова и Сетьянова.³⁷

Помимо винного салона Нуво в доме Калафати квартировал и другой, П. Эдуардса (похоже, все-таки Эдуардса, представителя известной фамилии). Они не столько конкурировали, сколько дополняли друг друга, поскольку имели несколько различную специализацию. Нуво поставлял классические французские вина – бордо, бургонь, шампань, тогда как Эдуардс предлагал широкий спектр алкоголя – портвейн, херес, ямайский ром, портер и проч.³⁸ и его магазин вернее было бы назвать на советский лад, ликеро-водочным.

Кстати о портере и пиве. После перехода с откупной на акцизную реализацию питей эти напитки стали приобретать в Одессе все большую популярность. В 1860-х в городе регулярно открываются портерные и пивные залы, так называемые бирхоллы, биргале, биргалки.³⁹ В 1865-м у Калафати, со стороны Екатерининской, открылось заведение, ловко совмещавшее традиционный пивной зал и недорогой греческий ресторанчик. Названия, по существу, не было, если не считать таковым французское «*A bon marche*», то есть «Дешево». А пиво подавалось немецкое, одесского заводчика Иоганна Ансельма, развернувшего крупное производство в 1863 году.⁴⁰

Верхние этажи сдавались в аренду под жилье, причем во втором нередко обустраивались лица, ведущие прием, – врачи, адвокаты, представители различных фирм, страховых обществ, кредитно-

банковских учреждений, торговые агенты, преподаватели, оптики и ювелиры. Например, в течение долгих лет тут принимал один из самых авторитетных в городе дантистов, Константен, не оставивший насиженного места и после реконструкции зданий в 1875 году.⁴¹ Обилие респектабельных доходных домов подразумевало комплексное обслуживание жильцов, в том числе – стирку нательного, постельного и столового белья. При этом от ручной стирки переходили к паровым прачечным, и в июне 1869-го в доме Калафати устроили контору приемки «по образцу парижских».⁴²

1860-е иллюстрируют основные специализации связанных с домами Калафати коммерческих предприятий. Виноторговля: содержанием выступает уже Ф.Б. Нуво, который переоборудовал прежний магазин, ненадолго передислоцировавшись для этого в соседний дом Жюльена, № 19.⁴³ Семейство Нуво участвовало в устройстве винных подвалов на хуторе Энно, в дальнейшем преобразованных в принадлежавший ведомству Уделов императорского дома винзавод на Французском бульваре, но это отдельный сюжет. О заведениях общественного питания было сказано. Ремесло, но преимущественно элитарное – ювелиры, оптики, часовщики: в этот период тут, например, работал Страц⁴⁴. Опять-таки ремесло, но не просто портняжное, а скорее модельерное: Дюмон, Гейман и, наконец, братья Санц⁴⁵ – будущие владельцы домов Калафати. Не удивляет появление фармацевтического депо И.Б. Крицкого⁴⁶ – домовладельцы уходят из этой сферы бизнеса, аптека их по Ришельевской, № 12, перешла к провизору Натансону, а потому конкуренты не страшны.

А дальше, если корректно так говорить, эпоха Калафати подходит к концу, хотя, судя по всему, до 1874-го включительно дома еще находятся в их собственности, и деловая жизнь продолжает кипеть. На рубеже 1870-х здесь, со стороны Екатерининской, открывается магазин металлоизделий из Англии и Франции Эрнеста Гюара – дверные и оконные комплектующие, чугунная и железная эмалированная посуда, разнообразные весы, инструменты для ремесленников и домашнего хозяйства, прочее.⁴⁷ В 1873-м со стороны Дерибасовской появляется солидный магазин зеркал и обоев Юлиуса Биссери⁴⁸, продолжают действовать многочисленные заведения, открытые ранее. Однако кончина

Степана Степановича Калафати и его наследника Дмитрия Степановича (названного явно в честь дяди, каковому наследники многим обязаны), а равно Евстафия Степановича приводят к переходу принадлежавшей им недвижимости в руки упоминавшихся братьев Санц.

В метрических записях греческой церкви Святой Троицы зафиксирована смерть С.С. Калафати, последовавшая 17 января 1869 года. Указан возраст покойного – 69 лет.⁴⁹ Это означает, что он, скорее всего, 1799 года рождения, и – что немаловажно – на момент кончины дяди был еще несовершеннолетним, то есть младше 21 года. А это, в свою очередь, говорит о том, что какое-то время недвижимость Д.И. Калафати находилась под опекой. Мы располагаем также следующим некрологом, опубликованным в «Одесском вестнике» от 30 сентября 1873 года: «Антонина Александровна Калафати с прискорбием извещает родных, друзей и знакомых о смерти мужа своего, Дмитрия Степановича Калафати, последовавшей в городе Туле. Тело покойного будет привезено 1 октября в Одессу. Того же числа вынос тела последует со станции Куликово (поле) в греческую церковь, а оттуда на кладбище».⁵⁰ Евстафий Степанович ушел из жизни в Одессе и был погребен на Старом (первом) городском кладбище 29 сентября 1872 года.⁵¹

21 июля 1874 года в «Одесском вестнике» указывают на ветхость балкона по третьему этажу во весь двор дома Калафати, на углу Дерибасовской и Екатерининской улиц.⁵² Это, понятно, не способствует привлечению жильцов. Вопрос реконструкции комплекса строений вновь приобретает остроту. Решило его семейство Санц в 1875 году, когда и значится владельцами.⁵³ Впрочем, это не исключает оформления купли-продажи в 1874-м: к сожалению, пока не располагаю более точными данными на сей счет.

В реестре объектов культурного наследия комплекс интересующих нас строений разделен на три части: дом по Екатерининской, угловой дом по Дерибасовской и правая обособленная часть

дома по той же улице. При этом сообщается о том, что два последних элемента реконструированы архитектором Ф.В. Гонсиоровским в 1875 году. Зодчий весьма известный, и разговор о его судьбе и творчестве здесь явно неуместен – легко справиться в литературе и даже в «сети». Для нас занимательно обстоятельство, что наибольшей реконструкции подверглось угловое здание: вместо невысокого третьего этажа возвели два довольно больших плюс чердачный с мансардами. В данный момент второй этаж этой части строительного комплекса задекорирован таким

образом, что создает иллюзию галерейного. Два других объекта – тот, что по Екатерининской, и выходящий на Дерибасовскую торцом дворовой в общих чертах сохранили прежний облик.

О семействе Санц, как, впрочем, и Калафати, нет специальных исследований. Выше уже упоминал, что оно издавна занималось портновским ремеслом, постепенно совершенствуясь в мастерстве, и перешло в разряд модельеров. Помимо домов по Дерибасовской, № 17, и Екатерининской, № 16 (до начала 1900-х включительно последняя часть строений числилась под № 20, ибо улица включала в себя и некоторые здания по Екатерининской площади), Санцы владели домом по Гаванной, № 2 (Малый переулок, № 1). Хозяином значится Альфред Эммануилович Санц⁵⁴, очевидно, сын первичного владельца интересующего нас комплекса строений, Эммануила⁵⁵. Чуть позднее этот комплекс поделен: Екатерининская, № 16, значится за Эммануилом, а Дерибасовская, № 17, – за Марией⁵⁶. Позднее оба адреса – за Матвеем Людвиговичем Санцем.⁵⁷ Младший представитель семейства, Антон, очевидно, сын одного из братьев Санц, продолжает тра-

дицию, содержит мастерскую по пошиву одежды в элитарном районе – по Екатерининской, № 2⁵⁸. Сам Эммануил Санц практиковал, по крайней мере, в начале 1900-х.⁵⁹ Семейство владело и престижной дачей на Французском бульваре.

Каков, скажем так, характер наполняемости дома Санца в конце XIX – начале XX столетия? Наиболее интересное предприятие – конфетная фабрика и оптово-розничный магазин знаменитого «Товарищества А.И. Абрикосова сыновей», то есть Николая Алексеевича и Алексея Алексеевича Абрикосовых. Как известно, первый из них был женат на Вере Николаевне, урожденной Кандинской, двоюродной сестре Василия Сильвестровича Кандинского, отца выдающегося художника. Кандинские – крупные чаеоторговцы из Кяхты, которые с открытием Суэцкого канала стали доставлять чай из Китая через Одессу.⁶⁰ Между прочим, по инициативе В.С. Кандинского одесские чаеоторговцы снабжали российских волонтеров в Сербии в 1876 году.⁶¹ Василий Сильвестрович пользовался чрезвычайным авторитетом в Одессе, занимался благотворительностью⁶², устройством различных производств⁶³, избирался гласным Думы⁶⁴, был членом комиссии по городским лечебным заведениям⁶⁵. И не случайно его семья долго проживала практически над магазином Абрикосовых, в доме Санца. Здесь вырос В.В. Кандинский, и слева перед входом во двор на фасаде установлен памятный знак этому талантливому художнику.

Сохранились почтовые открытки, запечатлевшие фасад и внутреннее убранство заведения Абрикосовых, фирменная упаковка, прејскуранты, буклеты, рекламные объявления и проч. Поскольку товарищество занимало значительную часть первого этажа, постольку ранее квартировавшие здесь и менявшие содержателей кафе-кондитерские сместились влево, в соседний дом по Екатерининской: там помещались заведения сперва К.П. Распопова, а затем Д.К. Фильбрандта.⁶⁶

Магазин Товарищества А.И. Абрикосова сыновей

Кстати о художниках. Рядом с обиталищем семейства Кандинских находилась мастерская некоего еврейского художника Е. Глуза, который подряжался выполнять граверные работы, брался за изготовление рекламы на стекле, железе, клеенке и других материалах, занимался росписью потолков и проч.⁶⁷ Кто знает, не этот ли сосед пробудил у маленького Василия Кандинского интерес к изобразительному искусству.

В числе солидных обитателей жилых этажей упомянем популярного в свое время врача-венеролога Владислава Алоизовича фон Берга, много лет обитавшего и принимавшего посетителей в доме Санца.⁶⁸ В «квартирной части» нередко помещались и ювелирные мастерские. Скажем, в первом этаже в 1910-х функционировала ювелирная лавка Соломона Олика, а Николай Чистяков работал на дому, в квартире № 18. Этот Н.П. Чистяков долго служил подмастерьем у Фаберже, затем обучал молодежь ювелирному мастерству в Строгановском художественно-промышленном училище. Далее жил в Одессе, выполняя всевозможные ювелирные, чеканные, граверные, эмалевые и прочие

Внутренний вид магазина Товарищества А.И. Абрикосова сыновей

работы, делал на заказ жетоны, знаки, металлические печати, монограммы и др.⁶⁹

В доме Санца обосновывались и офисы различных фирм, конторы предприятий и т. д. Многим одесситам знакома старая кладка из огнеупорного кирпича с клеймом «Бланкъ». Это продукция одесских кирпичных заводов купца 2-й гильдии Давида Мордковича Бланка, одного из крупных еврейских деятелей просвещения и меценатства. Контора принадлежавших ему предприятий тоже размещалась в доме Санца, по Дерибасовской, № 17.⁷⁰

Другой блок заведений, опосредованно относящийся к изобразительному искусству, – это фотографические, писчебумажные, канцелярские, багетные заведения, лавки, связанные с реализацией изопродукции, и т. п. В частности, продолжительное время в 1900-1910-х в первом этаже со стороны Дерибасовской функционировало фотоателье А. Ронеса⁷¹, множество прекрасных образцов продукции которой сохранилось в семейных архивах одесситов и у коллекционеров. Немалый интерес для любителей одесской старины представляет заведение Иосифа Иосифовича Покорного, которое

Николай Алексеевич Абриков и его жена Вера Николаевна, урожд. Кандинская

в течение ряда лет несколько меняло формат и соответственно сортамент. В 1901-м – это магазин картин и багетов⁷², в 1902-1903 гг. – письменные принадлежности и бумага⁷³, в 1904-1905 гг. – фотографические принадлежности⁷⁴ и проч. Это католическое купеческое семейство занималось фармацевтикой, парфюмерией, устраивало фотографические, цинкографические, литографические заведения, причастно к изданию открыток с видами Одессы.⁷⁵ В принципе, салон Покорного как бы наследовал помещавшемуся в доме Санца еще в 1890-е годы магазину письменных принадлежностей Гейнцельмана⁷⁶, который тоже известен как реализатор любопытных фотографий, открыток стереопар с видами Одессы.

Из других заведений упомянем магазин резиновых изделий одесского купца 2-й гильдии Густава-Бернгарда Рингеля, размещавшийся со стороны Екатерининской⁷⁷, и «Депо фортепьян» Иосифа Васильевича Оффенбахера⁷⁸. Некоторое преобладание немецких предпринимателей в доме Санца очевидно.

Исследование истории комплекса интересующих нас зданий после революции 1917 года выходит за рамки поставленной зада-

чи. И все же не могу не вспомнить знакомый с детства как бы продолжавший традиции фирмы Абрикосова просторный угловой кондитерский магазин «Лакомка», так называемую Гарнизонную столовую, буквально занимавшую помещение бывшего салона Абрикосовых со стороны Екатерининской, большой тир под ней, где впервые пулял из «мелкашки» (другой тир, значительно поменьше, если не ошибаюсь, был в подвале на Гаванной). Мои ровесники, конечно, знают, что угловое место тротуара перед «Лакомкой», напротив кафе «Алые паруса», молодежь именovala Счетчиком. Этимология объясняется просто: здесь обычно «забывали стрелку», чтобы

вместе потусоваться, а потому считали, сколько у кого «на кармане», и, следовательно, на что можно рассчитывать. Случалось, денег доставало лишь на один заход в находившийся правее «Лаконки» магазин «Куюльник», в одном из двух отделений которого наливали отнюдь не минеральную воду.

Примечания

- ¹ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 591.
- ² А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 110.
- ³ Там же, с. 136-137.
- ⁴ Там же, с. 45, 50.
- ⁵ Одесса, 1794-1894: Издание городского общественного управления к столетию города. – Одесса, 1895, с. 231.
- ⁶ Александр Дерibas. Старая Одесса. Забытые страницы. Исторические очерки и воспоминания. – Киев: Мистецтво, 2004, с. 19.
- ⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 846, оп. 16, д. 22276, л. 1; Тимофієнко В.І. Зодчі України кінця XVIII – початку XX століть. – К., 1999, с. 385-386.
- ⁸ Одесский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ), инв. № К-600; версия этого же плана сохранилась в копии, сделанной городским землемером Гаэтано Даллакка в 1836 году (инв. № К-609).
- ⁹ ОГИКМ, инв. № К-602.
- ¹⁰ Plan de la ville d'Odessa, 1814.
- ¹¹ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22278, л. 1; ОГИКМ, инв. № К-584.
- ¹² Греки Одессы. Ч. I. – Труды Государственного архива Одесской области (ГАОО). Т. XXXVIII. – 2014, с. 200-201.
- ¹³ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1667, л. 3.
- ¹⁴ Там же, л. 9.
- ¹⁵ Там же, д. 65, л. 691.
- ¹⁶ Там же, д. 4, л. 368, 372.
- ¹⁷ Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 280, л. 25 об.
- ¹⁸ Там же, оп. 8, д. 942, л. 27.
- ¹⁹ Там же, ф. 895, оп. 1, д. 240 (чертеж); ф. 59, оп. 2, д. 430 (описание).
- ²⁰ Новороссийский календарь на 1837 год. – С. 159, 163, 164.

- 21 Новороссийский календарь на 1838 год. – С. 145-146.
- 22 Одесский вестник. – 1828, № 100; Новороссийский календарь на 1837 год. – С. 158.
- 23 Новороссийский календарь на 1837 год. – С. 330.
- 24 Д.И. Петерс. Наградные медали Российской империи с надписью «За прекращение чумы в Одессе 1837». – Москва, 2006, с. 42.
- 25 Новороссийский календарь на 1841 год. – С. 257.
- 26 Одесский вестник. – 1842, № 35.
- 27 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 314; Там же, д. 268, л. 32; Там же, д. 269, л. 520 об. – 521 и др.
- 28 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 200. – 24 л.
- 29 Там же, оп. 2, д. 886. – 5 л.
- 30 Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 5, 36.
- 31 ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 400 (изображение); Там же, ф. 59, оп. 2, д. 1553 (описание).
- 32 Одесский вестник. – 1851, № 89.
- 33 Там же. – 1852, № 53.
- 34 Новороссийский календарь на 1853 год. – С. 377; Новороссийский календарь на 1854 год. – С. 365.
- 35 Одесский вестник. – 1856, Прибавление к № 116.
- 36 Там же, 1831, № 8; Там же, 1832, № 65; Там же, 1834, № 43.
- 37 Новороссийский календарь на 1857 год. – С. 390.
- 38 Одесский вестник. – 1857, № 37.
- 39 О.И. Губарь. Первый «Гамбринус». – В сб.: Дом князя Гагарина. Вып. 5. – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2009, с. 94-99.
- 40 Одесский вестник. – 1865, № 72.
- 41 Путеводитель по Одессе. – Одесса, 1867, с. 86; Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1878 год. – С. 144.
- 42 Одесский вестник. – 1869, № 122.
- 43 Путеводитель по Одессе. – Одесса, 1867, с. 127; Одесский вестник. – 1869, № 178.
- 44 Путеводитель по Одессе. – Одесса, 1867, с. 99.
- 45 Там же, с. 102.
- 46 Там же, с. 87.
- 47 Новороссийский календарь на 1871 год. Рекламное приложение.
- 48 Одесский календарь на 1874 год. – Одесса, 1873, с. 77.
- 49 Греки Одессы. Ч. III. – Труды ГАОО. Т. XI. – 2004, с. 78-79.

- ⁵⁰ Одесский вестник. – 1873, № 214.
- ⁵¹ Там же, 1872, № 215; Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 296, 415.
- ⁵² Одесский вестник. – 1874, № 163.
- ⁵³ К. Висковский. Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1875, с. 2, 40.
- ⁵⁴ Вся Одесса на 1912 год. – С. 274; Вся Одесса на 1914 год. – С. 60, 147.
- ⁵⁵ Вся Одесса на 1899 год. – С. 7, 23; Вся Одесса на 1902-1903 гг. – С. 7, 22.
- ⁵⁶ Вся Одесса на 1904-1905 гг. – С. 6, 20.
- ⁵⁷ Вся Одесса на 1912 год. – С. 274.
- ⁵⁸ Вся Одесса на 1914 год. – С. 365.
- ⁵⁹ Одесса, ее окрестности и курорты. – Одесса, 1901, с. 45.
- ⁶⁰ Одесский вестник. – 1871, № 171.
- ⁶¹ Там же, 1876, № 215.
- ⁶² Там же, 1872, № 102.
- ⁶³ Там же, 1874, № 198.
- ⁶⁴ Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1899 год. – Одесса, 1898, с. 58.
- ⁶⁵ Там же, с. 68.
- ⁶⁶ Вся Одесса на 1911 год. – С. 47.
- ⁶⁷ Вся Одесса на 1902-1903 гг. – С. XIX, 193.
- ⁶⁸ Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1899 год. – Одесса, 1898, с. 282; Одесса, ее окрестности и курорты. – Одесса, 1901; Адресный отдел, с. 25; Вся Одесса на 1902-1903 гг. – С. 179.
- ⁶⁹ Вся Одесса на 1914 год. – С. 304, 305.
- ⁷⁰ Вся Одесса на 1911 год. – С. 42, ст. 591.
- ⁷¹ Вся Одесса на 1904-1905 гг. – С. 49; Вся Одесса на 1911 год. – С. 698.
- ⁷² Одесса, ее окрестности и курорты. – Одесса, 1901, с. 34.
- ⁷³ Вся Одесса на 1902-1903 гг. – С. 183.
- ⁷⁴ Вся Одесса на 1904-1905 гг. – С. 49.
- ⁷⁵ Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 468.
- ⁷⁶ Вся Одесса на 1899 год. – С. 295.
- ⁷⁷ Вся Одесса на 1904-1905 гг. – С. 40.
- ⁷⁸ Там же, с. 41.

